

**Развитие законодательства о печати
в России и Франции в конце XIX - начале XX вв.:
сравнительный анализ.**

Истории законодательства о печати в России в конце XIX - начале XX вв. посвящены многочисленные сочинения, вышедшие как в дореволюционный и советский, так и в постсоветский периоды. В них рассматриваются самые разнообразные сюжеты: от общих проблем правового регулирования печати в России до истории цензурных преследований отдельных периодических изданий, научных и художественных произведений, их авторов и так далее. Большая часть исследователей неизменно подчеркивает, что российское законодательство о печати было архаичным и значительно отличалось от аналогичного западноевропейского законодательства. Вместе с тем практически нет работ, где бы проводилась такое сравнение, определялись конкретные различия законодательства о печати в России и странах Западной Европы.

Цель настоящей работы - рассмотреть каким образом развивалось законодательство о печати в России и Франции в конце XIX - начале XX вв., что позволяет сопоставить соответствующие законы, выяснить, в чем именно заключалась несовершенство законодательства о печати в России. Сравнение с Францией отнюдь неслучайно: ни в одной из западноевропейских стран печать не подвергалась такой сложной и постоянно изменяющейся регламентации как во Франции.

Основным документом, регламентирующим положение печати во Франции в конце XIX - начале XX вв. был Закон о печати, принятый 29 июля 1881 г. и с некоторыми изменениями действующий во Франции до настоящего времени. Подготовка этого акта шла более трех лет. Важнейшей задачей составителей было всесторонне проанализировать существовавшие 42 правовых акта, регулирующих положение прессы и книгоиздания и на

их основе разработать один закон, подводящий итог всего развития французского законодательства о печати и дающий возможность создать надежный фундамент для дальнейшего развития печати /1/. Судить о содержании закона 29 июля 1881 г. позволяет уже его первая статья, гласящая, что «книгопечатание и торговля произведениями печати свободны» /2/.

Закон состоял из пяти глав и 70 статей: первые три главы «О книгопечатании и книжной торговле», «О повременной печати» и о «Публичном выставлении, разносе и продаже произведений печати», посвящены регламентации типографского промысла и книготорговли, периодической печати и ее распространению. В четвертой главе «О преступлениях и проступках, совершаемых путем печати и всякого иного способа обнародования» перечислены преступления, которые могут быть совершены при помощи печати. Последняя, пятая глава содержит различные процессуальные положения: перечень лиц, подлежащих ответственности за преступления, совершаемые путем печати; о судопроизводстве по таким преступлениям; об обстоятельствах, уменьшающих или увеличивающих вину, и переходные правила.

Закон устанавливал уведомительный порядок открытия периодических изданий. Чтобы выпускать газету или журнал будущий издатель должен был подать в органы власти заявление с указанием названия издания и порядка его выхода, имени и жительства ответственного редактора и типографщика, а также типографии, в котором будет печататься издание /3/.

Таким образом, государство лишалось права по своему усмотрению разрешать или не разрешать тому или иному лицу издавать газету или журнал. Отменялись штрафные сборы, залоги, предостережения, приостановки и другие наказания за нарушение законов о печати, налагаемые в административном порядке, которые являлись мощным рычагом воздействия на прессу в период Второй империи /4/. Преступления печати были отнесены к ведению суда присяжных. Только наименее значительные, как оскорбление частных лиц, входили в компетенцию

исправительного трибунала.

Ответственный издатель должен был быть французским подданным, совершеннолетним и не ограниченным в правах. На каждом номере периодического издания должна быть подпись ответственного издателя. От профессиональных разносчиков печатных материалов требовалось заблаговременное заявление префектуре или мэрии имени, возраста, профессии, места рождения и местожительства. Закон предусматривал, что обращение во Франции иностранных периодических изданий может быть запрещено только постановлением совета министров, а обращение отдельного номера - распоряжением министра внутренних дел /5/.

Закон предусматривал, что на каждом периодическом издании должны быть обозначены имя и местожительство типографщика, два экземпляра каждого издания после их выхода должны были представляться: в Париже - в Министерство внутренних дел, в главных городах департамента - в префектуру, в главных городах округа - в подпрефектуру, а в прочих городах - в мэрию.

Преступления печати, по закону 1881 г., распались на четыре категории. К первой относились призывы путем печати к убийству, грабежам и так далее, в этой же категории отнесены мятежные крики и песни в общественных местах, а также призывы войскам к уклонению от своих обязанностей или к неповиновению властям; ко второй категории - преступления против общественных интересов: оскорбление президента республики, публикация ложных сообщений, оскорбление общественной нравственности; к третьей - диффамация и оскорбление частных лиц; к четвертой - оскорбление глав иностранных государств и дипломатических представителей.

Важнейшим нововведением закона 29 июля 1881 г. было то, что в нем не предусматривалось наказание за так называемые «преступные мнения», да и самого этого определения в законе не содержалось. Французский закон не карал так называемых «нападков» на основы государственного строя: на кон-

ституцию, на принцип народного суверенитета, на всеобщее избирательное право, на существующие законы, на свободу религии, на семью, на собственность; он не знал преступления, называемого «возбуждение к ненависти и к презрению правительства» или «оскорбление публичной или религиозной морали». Когда обсуждались соответствующие статьи закона, некоторые республиканцы требовали, чтобы закон карал всякое нападение на принцип республики и ее основы; республика, говорили они, не может позволить, чтобы ее могли безнаказанно оскорблять, она имеет право жить и, следовательно, имеет право заставить уважать себя; разрешением нападать на республику и оскорблять ее подготовят лишь ее падение и т. д. Победа досталась противникам этих опасений /6/. Как отмечал в 1905 г. русский историк печати Н. Я. Новомбергский: «Третья республика сняла с печати вековые оковы и поставила ее на страже действительных интересов государственных и общественных» /7/.

Как и в любой другой закон, в закон 29 июля 1881 г. со временем вносились изменения и дополнения. Первое изменение, связанное с принятием закона «О пресечении проступков против нравственности», было внесено 2 августа 1882 г. Оно усиливало ответственность за выпуск, продажу и распространение в общественных местах сочинений и печатных произведений (кроме книг), объявлений, рисунков, гравюр, картин и других изображений порнографического характера /8/. Закон от 27 июля 1884 г. «О разводе» запрещал воспроизводить в печати судебные прения по делам «О разводе или о разлучении от стола и ложа» /9/.

11 июня 1887 г. закон о свободе печати был дополнен положением, устанавливающим ответственность за отправку по почте или по телеграфу сообщений, «содержащих в себе опозорение» частных лиц, армии, правительства или отдельных министров, глав иностранных государств или дипломатического корпуса. Виновные в таких преступлениях подлежали не суду присяжных, а исправительному трибуналу /10/. 19 марта 1889 г. было определено, что при раздаче на улице и в общественных

местах произведений печати разрешается объявлять только их заглавие, цену, направление газеты, журнала или отдельного издания, наименование авторов или ответственных редакторов /11/.

Нашла отражение в законодательстве о печати и борьба французского правительства с анархизмом, что было обусловлено серией бессмысленно жестоких преступлений, прокатившихся по стране, и усилением влияния консервативно настроенных политических сил. Принятый 28 июля 1894 г. закон «О подавлении анархических происков» определял, что виновные в подстрекательстве к преступлениям, если они «имеют целью акт анархической пропаганды», подлежат ведению не суда присяжных, а суда исправительной полиции, что давало возможность подвергать привлекаемых к суду журналистов предварительному заключению, предварительно конфисковать до суда инкриминируемые произведения печати. Закон также усилил наказание за указанные преступления /12/.

22 июля 1895 г. в закон было внесено дополнение, что периодические издания, выходящие во Франции на иностранных языках, могут запрещаться постановлением совета министров /13/. Дополнение 27 января 1902 г. запрещало выставление объявлений, даже во время выборов на зданиях и памятниках, имеющих характер произведения искусств /14/, а 30 марта 1902 г. было запрещено печатать предвыборные материалы, состоящие из сочетания цветов французского триколора: синего, белого и красного /15/.

Как видим, более поздние изменения в закон 29 июля 1881 г. носили уточняющий характер и не меняли его по существу. В основе закона 1881 г. лежали два главных принципа: во-первых, свобода печати от всяких стеснительных предупредительно-полицейских ограничений; во-вторых, судебное преследование преступлений, совершаемых путем печати.

Закон определял, что преследование преступлений, совершаемых путем печати, производится в порядке публичного обвинения или по требованию прокурорского надзора, за

исключением случаев, когда оно возбуждается только по жалобе заинтересованного лица или лиц. Например, депутаты обеих палат французского парламента, считающие себя оскорбленными путем печати, а также присяжные заседатели, лица, выступающие свидетелями на суде, могли привлечь к ответственности виновных в клевете, только подав в суд личное заявление /16/.

Наиболее строгие санкции закон применял к виновным в прямом подстрекательстве, к воровству, убийству, разбою и поджогу, а также действиям, наносящим ущерб внешней безопасности государства: им грозило до пяти лет тюремного заключения и (или) штраф от 100 до 3.000 франков.

Остальные преступления карались менее строго: за оскорбление в печати президента республики или главы иностранного государства, опозорение судебных учреждений, армии, министров, депутатов парламента полагалось тюремное заключение от трех месяцев до одного года и (или) штраф от 100 до 3.000 франков. Виновные в оскорблении общественной нравственности наказывались заключением в тюрьме на срок от одного месяца до двух лет. За остальные нарушения закона о печати предусматривались более мягкие санкции: минимальное наказание составляло штраф от 1 до 15 франков или тюремное заключение на срок от одного до пяти дней /17/.

Кроме наказания виновных, суд был вправе арестовать или изъять из обращения издания преступного содержания, а также принять решение об их уничтожении /18/.

Закон определял круг лиц, которые несли ответственность за преступления, допущенные путем печати. В первую очередь подлежал наказанию ответственный редактор или издатель «каковы бы ни были их занятие или наименование», за их отсутствием - авторы, за отсутствием авторов - типографщики, за отсутствием типографщиков - продавцы, разносчики или выступающие. При привлечении к суду ответственных редакторов или издателей авторы подлежали преследованию как соучастники /19/.

По данным уголовной статистики в течение 20 лет со времени издания закона 1881 г. суду присяжных принадлежало 797 дел, по которым были привлечены к суду 1345 обвиняемых, что в среднем составляло 30 рассмотрений в год с числом подсудимых 54 /20/. Судебные процессы по делам печати были несчастными. Присяжные заседатели лишь в редких случаях выносили обвинительные вердикты привлекаемым к суду издателям и журналистам.

Положение печати в России в конце XIX - начале XX вв. регулировал «Устав о цензуре и печати», изданный в 1890 г. - документ, в котором были собраны различные узаконения о печати, начиная с 1828 г. Устав состоял из четырех глав и 302 статей, подробно регламентирующих все вопросы, связанные с печатью. Первая глава «О цензуре внутренней», состоящая 147 статей, определяла компетенцию цензуры, обязанности лиц, осуществляющих контроль над печатью, порядок производства дел, содержала правила оглашения в печати сведений, касающихся императора и членов его семьи, правительственных распоряжений и судебных решений, постановлений земских, дворянских и городских собраний. Сюда же были включены положения о драматической цензуре и мерах против распространения произведений печати, обнаруживших «вредное направление».

Во второй главе «О типографиях, литографиях, металлографиях и заведениях, производящих и продающих принадлежности тиснения, и о книжной торговле» регламентировался порядок открытия и содержания заведений, печатающих издания, продажи типографского оборудования, книжной торговли. Правила контроля за литературой, поступающей в Россию из-за рубежа содержались в третьей главе «О цензуре книг иностранных», полномочия духовной цензуры подробно излагались в четвертой, последней главе устава - «О духовной цензуре православного исповедания».

Первая статья устава гласила, что «заведование делами цензуры и печати вообще в пределах Империи и губерний

Царского Польского сосредотачивается в министерстве внутренних дел, под высшим наблюдением министра, в Главном управлении по делам печати» /21/.

В отличие от Франции, где в рассматриваемый период не существовало специальных органов контроля над печатью, в России была целая система цензурных учреждений: помимо Главного управления по делам печати и его подразделений на местах цензурные функции выполняли Синод, Министерство императорского двора, Медицинский совет МВД, вице-губернаторы и полиция. Закон определял, что запрещению подвергаются издания «кланяющиеся к поколебанию учения православной церкви», нарушающие неприкосновенность верховной власти и коренным государственным постановлениям, оскорбляющие «добрые нравы и благопристойность», а также честь какого-либо лица /22/.

Порядок открытия периодических издания был не уведомительный, как во Франции, а концессионный, когда выдача разрешения на издание полностью зависела от министра внутренних дел, которого устав наделял правом «дозволять выпуск в свет издания или без цензуры или под условием предварительной цензуры» /23/.

По закону 6 апреля 1865 г. правом выхода без предварительной цензуры пользовались выходившие в Санкт-Петербурге и Москве газеты и журналы, издатели которых получают соответствующее разрешение, все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов на русском, и не менее 20 - на иностранных языках. Так же освобождались от предварительной цензуры все правительственные издания, издания академий, университетов и научных обществ, а также издания на древних классических языках и переводы с них, карты, планы и чертежи. В случае отклонения от требований закона освобождаемые от предварительной цензуры издания подвергались судебному преследованию. Повременные издания за «вредное направление» подлежали административным взысканиям по особым правилам.

Закон не распространялся на провинциальную печать, сочинения и переводы, подлежащие духовной цензуре, издания, ввозимые в Россию из-за рубежа, эстампы, рисунки и другие изображения с текстами и без них, для которых сохранялись прежние цензурные правила. Фактически же большая часть выходящих в России изданий подлежала предварительной цензуре /24/.

Поскольку на выпуск любого периодического издания необходимо было предварительно получить разрешение, устав не содержал требований, которые предъявлялись к желающим издавать газету или журнал, а лишь указывал, что на каждом издании должны быть напечатаны имя ответственного редактора или издателя и указана типография.

Администрация располагала широким арсеналом средств давления на периодические издания. Министр внутренних дел имел право объявлять органам печати, выходящим без предварительной цензуры, предостережения, запрещать размещение в них рекламы и продажи таких изданий в розницу, также мог причислить издание к числу тех, в которых запрещалось помещать статьи «о несовершенстве существующих у нас постановлений» и «недостатках администрации и судебных мест», и, наконец, имел право приостановить выпуск издания /25/.

После убийства 1 марта 1881 г. Александра II в России наступил период контрреформ. Правительство усилило контроль над прессой, продолжило начатый в конце 1860-х гг. курс на использование административных методов воздействия на печать, сузило компетенцию суда при рассмотрении дел о нарушении законов о печати.

Приведем несколько примеров: 27 августа 1882 г. было определено, что решение об окончательном прекращении периодического издания, выходящего без предварительной цензуры, принимается не в судебном, а в административном порядке - совещанием министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода /26/. 5 января 1884 г. именным указом Александра III министр внутренних дел полу-

чил право указывать местным властям произведения, которые запрещаются к обращению в публичных библиотеках и по своему усмотрению закрывать библиотеки и читальни «в случае признанной в том необходимости» /27/.

28 марта 1897 г. Устав о цензуре и печати был дополнен правилом о том, что передача периодического издания от одного издателя к другому может произойти только с разрешения министра внутренних дел. Это правило фактически отменяло право частной собственности на издание, поскольку его владелец не мог свободно продать, заложить или сдать в аренду принадлежащие ему газету или журнал и полностью зависел в этом от усмотрения властей /28/.

Следует также добавить, что в случае объявления местности на положении чрезвычайной охраны, органы власти могли приостанавливать выход периодического издания на все время действия чрезвычайного положения. В отличие от французского закона о печати, в который, как указано выше, в течение двух десятилетий было внесено лишь несколько изменений, в Устав о цензуре и печати Российской империи изменения и дополнения вносились практически ежегодно: с 1881 по 1905 гг. было издано более 30 указов, усиливающих контроль над печатью.

Российское уголовное законодательство строго карало преступления, совершенные посредством печати. Так, виновный в выпуске сочинения или изображения с целью возбудить неуважение к верховной власти приговаривался к лишению всех прав состояния и каторге от 10 до 12 лет, за оскорбление императора, императрицы или наследника престола полагалось до 8 лет каторги, аналогичное наказание полагалось за антиправительственные призывы к войскам. Оскорбление памяти умершего императора каралось уже не 8, а 3 годами каторги, то же в отношении обычного гражданина «тянуло» на арест или штраф до 500 рублей. За такие преступления, как издание и распространение сочинений, призывающих к ниспровержению существующего строя, виновный приговаривался к ссылке,

продолжительность которой суд определял по своему усмотрению, или к 3 годам содержания в исправительном доме.

Наказание за хранение и распространение «заведомо бесстыдных сочинений или изображений» было по сравнению с Францией относительно мягким - арест на срок не свыше 3 месяцев или штраф до 300 рублей. За различные нарушения правил выпуска изданий в свет, их продажи, заведомо ложные сведения, сообщаемые цензуре, максимальная санкция могла составлять арест на 6 месяцев или штраф до 500 рублей. Закон предусматривал и такое наказание, как запрет для виновного лица занимать должность редактора или издателя в течение определенного срока /29/.

Несмотря на строгости цензуры, на страницах периодических изданий постоянно обсуждались вопросы, волновавшие русское общество. Использовался “эзопов язык”, с помощью которого авторы маскировали высказываемые мысли. Так, использовались приемы, когда о событиях в России говорилось в виде пересказа зарубежных новостей, современные вопросы обсуждались под видом далекого прошлого, умалчивалось об определенных событиях и так далее.

Формой борьбы с жесткой цензурой была и нелегальная печать, выходившая как в подпольных типографиях на территории России, так и доставлявшаяся из-за рубежа. Если в 50 - 70-е гг. XIX в. нелегальные издания отражали взгляды политических направлений, то к началу XX в. читатели имели дело с органами печати оформившихся революционных организаций, объединенных общей программой и уставом /30/.

Законодательство о печати во Франции и России в конце XIX - начале XX вв. заметно различалось. Если во Франции во главу угла ставилась задача наказания за уже совершенное преступление и при этом возможность выпускать периодические издания и заниматься книгопечатанием и книжной торговлей мог каждый полноправный гражданин, то в России с помощью жестких законов о печати власти стремились не допустить выхода в свет и распространения сочинений, не впи-

сывающихся в рамки официальной идеологии.

1. Соколов В. С. Периодическая печать Франции. СПб., 1990. С. 65.
2. Французские законы и печати. СПб., 1905. С. 1. (Далее данный закон цитируется по указанному изданию, поскольку его дальнейшее воспроизведение дается с учетом изменений. Последняя публикация на русском языке: Французская республика: конституция и законодательные акты. М., 1969. С. 369 - 383).
3. Там же. С. 2.
4. Подробнее см.: Раевский А. А. Законодательство Наполеона III о печати. Томск, 1903.
5. Там же. С. 5.
6. Смирнов Е. Периодическая печать во Франции // История печати: антология. М., 2001. Т. 2. С. 259.
7. Новомбергский Н. Я. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати: антология. М., 2002. Т. 1. С. 261.
8. Французские законы и печати... С. 22.
9. Там же. С. 23.
10. Там же. С. 24.
11. Там же. С. 24 - 25.
12. Там же. С. 25 - 26.
13. Там же. С. 27.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. С. 14 - 15.
17. Там же.
18. Там же. С. 16.
19. Там же. С. 13.
20. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. СПб., 1903. С. 141.
21. Устав о цензуре и печати 1890 г. С. 1.
22. Там же. С. 1 - 2.
23. Там же. С. 20.
24. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. II. Т. 40. № 41988
25. Устав о цензуре и печати 1890 г. С. 23 - 25.
26. ПСЗ. Собр. III. Т. 2. № 1072.

27. Там же. Т. 4. №1941.
28. Там же. Собр. III. Т. 17. №13902.
29. Устав уголовного судопроизводства (Св. законов. Т. XVI. изд. 1892 г.).
30. Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 338.

В.-Т. Васара

Лапуаское движение (1929 - 1932 гг.) и путч в Мянтсяле.

На всем протяжении 1920-х гг. в Финляндии сохранилось деление на «красных» и «белых». Правые политические деятели тогда особо подчеркивали важность сохранения наследия победы в гражданской войне. Они считали, что главной угрозой независимости Финляндии является экспансия с Востока. Также буржуазные слои общества беспокоило укрепление рабочего профсоюзного движения, и особенно его левую, по своей сути, политическую ориентацию. Считалось, что коммунизм отрицает святыни буржуазной Финляндии («дом, религия, отечество»). Анализ результатов гражданской войны и борьба за приемлемую форму правления привели к недовольству в правых слоях общества государственной властью. Всё чётче обозначается новый антикоммунистический фронт (идея «великой Финляндии», Академическое карельское общество, союз «Лалли», объединение «Виентирауха», Шюцкор и Лотта Свард). Формируется правая оппозиция.

Фактически, в конце 1920-х гг. деятельность коммунистов привела к появлению противостоявших им движений. К тому же, в тот период коммунистическое движение явно переживало раскол, который затем затруднял деятельность сторонников этого движения на протяжении всех 30-х гг. XX в. С другой стороны, приверженцы буржуазного развития Финляндии предприняли по ним новый, более мощный удар.

Характерным явлением для внутривластного развития Финляндии 1920-х гг. была частая смена кабинетов. В большинстве случаев происходило формирование лишь правительства парламентского меньшинства. Антикоммунистические настроения в 1920-х гг. представляли собой не только финский феномен, но и были очень распространены во многих европейских государствах, особенно в тех, которые имели границу с Советским Союзом. Недолговечность правительств и разлад в